

УДК [821.161.1:821.162.1]-1.09(045)

ORCID ID: 0000-0002-0485-7664

*Т.В. Зверева***ПОПЫТКИ ОБЪЯСНИТЬСЯ: СЛЕД А. МИЦКЕВИЧА В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ
А.С. ПУШКИНА**

В рамках данной статьи позднее творчество А.С. Пушкина рассмотрено в контексте полемики с Адамом Мицкевичем. Автор исследования показывает, что послание А. Мицкевича «Русским друзьям» во многом определяет художественные стратегии Пушкина в 1830-ые гг. В фокусе исследовательского внимания – произведения, написанные после 1833 г. (повести «Пиковая дама» и «Египетские ночи», роман «Капитанская дочка», стихотворение «Памятник»). В этих и других произведениях Пушкин пытается объяснить свои политические взгляды на ключевые события российской империи (восстание декабристов 14 декабря 1825 г. и польское восстание 1830–1831 гг.). В произведениях, написанных в контексте полемики с Мицкевичем, Пушкин не столько опровергает взгляды польского поэта, сколько обнажает тенденциозность внешней точки зрения по отношению к «истории государства Российского». Собственная позиция Пушкина неоднозначна, само движение авторской мысли становится самостоятельным идеологическим конфликтом в тексте. Трагическая невозможность дать окончательные ответы выявляет как сложность русской государственности, так и сложность отношения к ней со стороны автора.

Ключевые слова: А. Пушкин, А. Мицкевич, польское восстание, декабристы, исторические аллюзии, осциллирующая поэтика, автор.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-335-344

Отношения русского и польского поэтов, их творческих диалог – отдельная страница в пушкиноведении. На сегодняшний день существует огромное количество исследований, обращенных к данной теме [3; 6; 7; 9; 11; 13; 19; 25; 27; 30-32] и т.д. В 2003 г. вышла обстоятельная и исчерпывающая монография Д. Ивинского «Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений», но и этот завершающий труд не исчерпал всех аспектов проблемы. Провозглашенная М. Бахтиным принципиальная открытость/диалогичность текста, способность подлинных творений наращивать смысл во времени способствуют трансформации смысла. Изменение современной геополитической ситуации в мире проливает новый свет хрестоматийные произведения, заставляя пересматривать их в свете «болевых точек» русской и европейской истории. В связи с выдвинутой проблемой важно и то, что конструируемый русской культурой миф о дружбе двух поэтов никогда не был устойчивым: «миф о Пушкине и Мицкевиче не принадлежит к числу структурно устойчивых мифов истории русско-польских контактов: его текст постоянно варьировался и уточнялся, корректировался <...> в результате сложных изменений общей ситуации на границе русского и польского культурных миров» [9, с. 392].

По-видимому, знакомство двух поэтов состоялось осенью 1825 г. (Мицкевич присутствовал на чтении трагедии «Борис Годунов»), однако начало мучительного и одновременно сущностного для Пушкина спора с Мицкевичем приурочено к польскому восстанию, когда русский и польский поэты оказались по разные стороны баррикад. Польский вопрос – один из «вечных» вопросов для России, в 1820-1830-ые гг. этот вопрос был одним из краеугольных. Как справедливо отмечает Г. Киршбаум, «аллюзии к польской культуре и литературе были в сознании либеральных литераторов первой половины 1820-х годов коннотированы как оппозиционные. Интерес к польской поэзии в преддверии восстания декабристов не случаен: всяческое прикосновение к польской культуре несет в себе по определению, а точнее, в свете проблемного статуса Польши в России если и не прямые антиправительственные, то по крайней мере рискованные волнодумные коннотации» [12].

Задача настоящей работы – показать, что позднее творчество Пушкина складывается во многом под влиянием непреходящей полемики с Адамом Мицкевичем, вызванной посланием «Русским друзьям». Этот спор важен русскому поэту не только как доказательство собственной правоты, но и как возможность понять русскую историю и самого себя в ней. Отголоски дискуссии обнаруживаются не только в «Медном всаднике», но и в большинстве творений, написанных после 1833 г.

Творчество любого писателя несет в себе так называемый «биографический след». Как правило, в текстах отражен травматический опыт автора. Для пушкинского поколения таким травмой стало восстание декабристов. Глубоко переживая эти события, Пушкин пытался, с одной стороны, постичь скрытую логику русской истории; с другой – найти идеальную модель управления государством Российским. Попытки выстроить диалог с царем были обречены на непонимание – Пушкин то сближался с Николаем Первым, то отдалялся от него. Политическая ситуация еще более усложнилась вследствие подавления польского восстания в 1830-1831 гг. Имперские притязания России обернулись трагедией для польской интеллигенции, в том числе и для Адама Мицкевича – поэта, близкого пушкинскому кругу. Неожиданно для многих – прежде всего, для П. Вяземского – Пушкин пишет цикл «антипольских» стихотворений («Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Перед гробницею святой...»). Политическая позиция Пушкина по отношению к польскому вопросу неоднозначна, поскольку разрушает миф о поэте как певце свободы. Категоричные заявления не укладываются в привычные рамки, по которым привыкла измерять гений Пушкина русская культура (так, например, в письме Вяземскому поэт пишет следующее: «...поляков надобно задушить, и наша медленность мучительна» [24, т. 10, с. 34]). Заметим также, что в подобном видении польского вопроса Пушкин был далеко не одинок, подавляющее большинство русских поэтов и писателей с пониманием отнеслось к действиям русского императора¹.

Мицкевич резко и эмоционально отреагировал на политическую апологию Пушкина, бросив вызов поэту, изменившему своим юношеским идеалам:

«А иных, может, страшнее постигла кара небесная: может, кто из вас, опозоренный чином или орденом, продал свою вольную душу за царскую милость и кладет земные поклоны у царских порогов.

Может, он наемным языком славит царское торжество и радуется мучению своих друзей; может, он на моей родине купается в нашей крови и хвастает перед царем нашими проклятьями, как заслугою» [18, с. 134].

Обвинения Мицкевича носили тем более уязвимый характер, что вопрос об отношении к современности для Пушкина был крайне болезненным и, главное, неразрешенным. Даже приведенный выше фрагмент из письма к Вяземскому о положении дел в Польше не до конца проливает свет на позицию Пушкина, поскольку, во-первых, это частное письмо, и оно не было предназначено для всеобщего чтения; во-вторых, то, что для последующих поколений является результатом авторской мысли, для самого автора всего лишь – незавершенный процесс.

Общеизвестно, что летом 1833 г. Пушкин получил из рук Сергея Соболевского опубликованный в Париже IV том Мицкевича, чтение которого не прошло бесследно для русской литературы – именно в 1833 г. Пушкин не завершит множества произведений. Это один из самых драматических эпизодов в жизни Пушкина, поскольку задета его личная честь. Молчание или «творческая заминка» во многом связаны с потрясением от чтения стихов Мицкевича, в которых русский поэт увидел выпад против себя. В ответ пишется стихотворение «Он между нами жил...», впрочем, текст не предается публичной огласке. Отказ от открытого спора не означал перемирия с соперником или согласия с ним. Дальнейшее творчество станет спором с Мицкевичем, при этом речь идет не только о поэме «Медный всадник», но и других произведениях, прежде всего, – «Пиковой даме», «Египетских ночах» и «Капитанской дочке». Н. Эйдельман обратил внимание на то, что запрещение «Медного всадника» было убийственно для Пушкина еще и потому, что оставляло «Отрывок» Мицкевича без ответа, вследствие чего «приходилось искать другие способы – *поговорить, поспорить*» [29, с. 58–59]. Растянувшаяся на годы полемика – не только желание объяснить свою политическую позицию, но и попытка самооправдания.

В рамках данной работы мы не будем подробно говорить о поэме «Медный всадник» в ее отношении к «петербургским» стихам Мицкевича, поскольку этот вопрос хорошо освещен в филологической науке. Единственное, на чем необходимо акцентировать внимание, – поэма, в основании которой лежит идея непримиримости двух прав (человеческой и государственной), не сводима к однозначной авторской позиции, напротив, само движение авторской мысли становится в «Медном всаднике» самостоятельным идейным сюжетом. Трагическая невозможность расставить точки над *i* выявляет как сложность русской государственности, так и сложность отношения к ней со стороны автора. Сторонний взгляд Мицкевича, по мнению Пушкина, не мог ухватить зыбкой противоречивости русской истории. В «Медном всаднике» водная стихия подчиняет себе твердь – столица империи стоит на неспокойных волнах, предьявляющих свои права как на Большую историю, так и на частное человеческое

¹ См. об этом статью: Осповат Л. Пушкин, Тютчев и польское восстание 1830-1831 гг. [22, с. 49–52].

существование. Кажется, ближе всех к пониманию идейного конфликта поэмы подошла М.Н. Виролайнен: «Между московским и петербургским периодами остался неосуществленным акт преемственности. И если во Вступлении передача державной власти от одной столицы к другой описана идеализированно, как естественная смена царствующих поколений, то сюжетная часть петербургской повести рассказывает о другом: о пресечении родовых связей, ведущем к катастрофическим последствиям. С темой вины перед предками весьма непростыми связями сопряжена тема карающей статуи, центральный образ поэмы» [5, с. 210].

Острый спор с Мицкевичем в «Медном всаднике» сводился, прежде всего, к преодолению категоричности суждений польского поэта. Дело не в ошибочности выводов Мицкевича, а в окончательности авторской оценки, явленной в том же «Олешкевиче». Петербург для Мицкевича – *результат* деяний первого русского императора; для Пушкина Петербург, как, впрочем, и вся российская империя, – это *становящаяся* реальность, о которой нельзя сказать окончательного слова. Н. Эйдельман убедительно показал, что спор с польским поэтом был отличным от форм привычной полемики: «Пушкин в “Медном всаднике” достиг, казалось бы, невозможного: правоте польского собрата противопоставлена единственно возможная высочайшая правота спора-согласия» [29, с. 56]. Перед русской публикой разворачивалась невиданная ранее поэтическая дискуссия. Показательно, что из пяти авторских примечаний к «Медному всаднику» в двух имеется упоминание опального имени Мицкевича. На первый взгляд, Пушкин в примечаниях к поэме отдает дань таланту польского поэта: «Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший петербургскому наводнению, в одном из лучших своих стихотворений – Oleszkiewicz. Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было – Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нет ярких красок польского поэта» [24, т. 3, с. 299]. Однако, Пушкин в данном случае говорит не столько о «яркости красок» в Oleszkiewicz, сколько о «верности» собственного видения («Наше описание *вернее...*»).

Если в «Медном всаднике» обнаруживаются явные черты авторской полемики с польским поэтом, то в «Пиковой даме» присутствие Мицкевича только угадывается. Прежде всего, речь идет о межтекстовом взаимодействии, на которое давно обратили внимание исследователи. В частности, Н. Петруниной были обнаружены переключки между пушкинской повестью и «Отрывком» Мицкевича [23, с. 211 - 212]. В своем исследовании Д. Ивинский показал, что «Пиковая дама», с одной стороны, соотнесена с переводом двух баллад Мицкевича («Будрыс и его сыновья» и «Воевода»), с другой – текст повести обнаруживает следы знакомства с «Отрывком», с которым Пушкин полемизировал в «Медном всаднике» [9, с. 325–332]. На связь поэмы и повести также указал С. Шварцбанд: «“Медный всадник” и “Пиковая дама” имели сходство не только по месту действия (Петербург), но и по своему полемическому пафосу, который был вызван одним и тем же литературным явлением – “Отрывком” Мицкевича» [28, с. 196]. Однако помимо текстовых связей в «Пиковой даме» обнаруживаются и другие пересечения с Мицкевичем.

Прежде всего, сама тема карточной игры в творческом сознании Пушкина была связана с польским поэтом. По одной из версий, Пушкин познакомился с Мицкевичем за карточной игрой: в тот момент, когда в гостиную зашел Мицкевич, Пушкин играл в фараона (показательно, что именно эта игра описана автором в «Пиковой даме»). П. Вяземский описал символическую встречу, свидетелем которой он стал однажды:

Пушкин (при виде Мицкевича): «С дороги, двойка, туз идет!»

Мицкевич: «Козырная двойка туза бьет!».

В этом шутовском диалоге, понятном, прежде всего, публике, хорошо знакомой с правилами карточной игры, поэт-туз говорит не столько о собственном превосходстве, сколько о равенстве с поэтом-двойкой (числовой эквивалент туза – 11, сумма цифр дает «двойку»). Тайна повести связана с тузом, обращаемым в пиковую даму. Кажется, еще не было отмечено, что за приведшей к проигрышу Германа козырной картой прячется не только умершая старуха, но и сам автор, который перетасовывает карточную колоду, обнажая зыбкость существующего порядка вещей. В «Пиковой даме», как и в большинстве пушкинских текстов, читатель имеет дело с *осциллирующей поэтикой* – колебанием смысла, его изменчивостью в зависимости от выбранного угла зрения.

Возможно, сама повесть стала той «игральной картой», которой Пушкин отыгрывался от нападков Мицкевича, обвинившего русского поэта в забвении революционных идеалов и жертв восстания на Сенатской площади. «Декабристский сюжет» имеет самостоятельное значение в творчестве Пушкина,

но данная тема может прочитываться и в полемическом аспекте. Уже в эпитафии к первой части «Пиковой дамы» зашифрованы имена декабристов: «А в ненастные дни / Собирались они / Часто; / Гнули – бог их прости! – / От пятидесяти / На сто, / И выигрывали, / И отписывали / Мелом. / Так, в ненастные дни, / Занимались они / Делом» [24, т. 5, с. 233]. Впервые на сходство данного эпитафия с «агитационными стихами» поэтов-декабристов обратил внимание Н.О. Лернер [15, с. 22]. Действительно, в пушкинском стихе легко узнается ритм известного стихотворения К. Рылеева и А. Бестужева («Ты скажи, говори, / Как в России цари / Правят. / Ты скажи поскорей, / Как в России царей / Давят»).

Еще Н.Я. Эйдельман остерегал от исследовательского соблазна воспринимать пушкинский эпитафия в качестве очередного тайного послания сосланным декабристам (в частности, А. Бестужеву, который, конечно же, узнал бы «свой размер») [29, с. 38]. И все же нельзя без внимания оставить тот факт, что эпитафия к «Пиковой даме» отсылает к упомянутым в послании Мицкевича именам Рылеева и Бестужева:

«Где вы теперь?.. Благородная шея *Рылеева* [*Курсив мой.* – Т.З.], которую я обнимал как шею брата, – по царской воле – повисла у позорного столба. Проклятие народам, побивающим своих пророков!

Рука, которую мне протягивал *Бестужев* [*Курсив мой.* – Т.З.] – поэт и воин, – оторвана от пера и оружия; царь запряг ее в тележку, и она работает в рудниках, прикованная к чьей-нибудь польской руке» [18, с. 134].

Кондратий Рылеев и Александр Бестужев были первыми, с кем Мицкевич познакомился в Петербурге в 1824 г. (Отметим попутно, что имя Рылеева было особенно важным для Мицкевича, поскольку Рылеев являлся первым переводчиком его стихотворений на русский язык. Кроме того, одно из самых известных произведений Рылеева «Думы» были теснейшим образом связано с польской литературой – «Историческими песнями» Ю.У. Немцевича.)

Обвинения польского поэта не имели под собой оснований. Все творчество Пушкина после 1825 г. неотделимо от событий, связанных с декабристами. Однако ни на минуту не забывая падших и по человечески сочувствуя жертвам восстания, Пушкин как историк не мог не видеть печальных последствий выхода декабристов на Сенатскую площадь. Внутренняя и внешняя политика Николая I во многом стала реакцией на дворянское вольнодумие. Результатом действий декабристов явилось практическое отстранение от государственного правления целого круга людей, принадлежащего родовой аристократии. На авансцену русской истории вышли «маленькие люди»: в «Медном всаднике» – это забывший родство Евгений, в «Пиковой даме» – обрусевший немец Герман. «Разночинский» период русской литературы еще впереди, но Пушкин ощутил изменения, явившимися следствием попытки государственного переворота.

Мистическая атмосфера лишь оболочивает повесть, за внешним карточным сюжетом таятся авторские размышления о закономерностях русской истории. Как сюжет «Бориса Годунова» был движим тенью прошлого, так и современный сюжет «Пиковой дамы» определен событиями, происходящими в екатерининскую эпоху. В отличие от Мицкевича, прямолинейно оценивающего действия Петра I, Пушкин показывает причудливый симбиоз русской империи и европейского Просвещения. Екатерининская эпоха наследует тайны империи, в покоях старой графини лежит не только тень былого – авторскому взгляду открывается таинственная связь России и Европы. Действия, происходящие в Петербурге, начинаются в Париже; предыстория в «Пиковой даме» гораздо важнее рассказываемой истории. Безумие современного века – результат действия различных сил; объясняя настоящее, автор выявляет целый комплекс причин, при этом ни одна из них не может быть определена как основополагающая. Историческая оптика Пушкина – одна из сложнейших. Добавим, что именно в этот период поэт знакомится с библиотекой Вольтера, в которой были собраны редчайшие архивные документы, связанные с историей России (до нас дошли лишь косвенные свидетельства работы Пушкина с этим архивом, но важен сам факт знакомства поэта с секретными материалами).

На фоне этих размышлений поэтический приговор русской истории со стороны Мицкевича, действительно, тенденциозен. По мнению Пушкина, история не может быть подвержена прямолинейному суду, поскольку исторический процесс иррационален в своем основании. Не случайно в «Пиковой даме» так много отсылок к *чуждому*: текст апеллирует к именам видных масонов (Казанова, Сен Жермен) и связанных с ними мистических сюжетов.

В «Египетских ночах» Пушкин вступает в открытое творческое состязание с Мицкевичем, и одновременно с этим «Египетские ночи» – это повесть-примирение, где утверждается равенство талантов поэта и импровизатора. Впервые мысль о том, что за образом Импровизатора стоит Адам Мицкевич,

высказала Анна Ахматова: “То, что импровизатор – портрет Мицкевича, окончательно доказывает, что в повести „Египетские ночи” есть “*arrière-pensée*”, то есть – “задняя мысль”, подтекст, тайная цель. Если так, хотелось бы понять, что это за *pensée*» [1, с. 188]. В дальнейшем был выдвинут и ряд других гипотез относительно возможного прототипа [2], [14], [17], [26] и т.д. Предложенные версии не опровергают ахматовскую, а лишь дополняют ее, поскольку один и тот же пушкинский художественный образ часто одновременно восходит к нескольким прототипам (показательно, что у Татьяны Лариной, по словам самого поэта, «десять женских прототипов и один мужской»).

В глазах читательской публики Мицкевич был «самым подлинным типом поэта, какой только возможен, воплощением, так сказать, поэтического гения, “прозорливого”, т. е. проникающего мысленным взором глубоко в сущность человеческой жизни, в сущность жизни народа и далеко в будущее, невидимое простым смертным; гения “крылатого”, т. е. возвышенного, парящего над миром, над вершинами мысли, на крыльях поэтического вдохновения» [11, с. 164]. Вместе с тем, положение импровизатора в русском обществе было шатким; в людях, одаренных подобным талантом, публика видела фокусников, чудаков, фигляров. Признавая в Импровизаторе истинного поэта, а не шарлатана, Пушкин, по существу, в очередной раз проводил знак равенства между собой и Мицкевичем. Вместо ожидаемых обвинений в адрес польского поэта в подтексте повести проступают слова, когда-то озвученные в «Моцарте и Сальери»: «Ведь он же гений, как ты и я / А гений и злодейство две вещи несовместные...». Подлинный талант имеет Божественную природу, вследствие чего поэт не подвластен привычному человеческому суду. В «Египетских ночах» предельно обнажена дистанция между Поэтом и человеком, о которой сказано в программном стихотворении «Поэт» («И среди детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он»).

Взгляды Мицкевича на российскую империю казались Пушкину односторонними, обвинения в собственный адрес оскорбительны и неправомерны, но все это не могло быть причиной непризнания дара, которым был отмечен польский поэт. В обычной жизни Пушкин вряд ли мог простить посягнувшего на его честь Мицкевича, но в художественном творении один поэт протянул руку другому – признавая, прощая и примиряясь...

На присутствие Мицкевича указывает и венчающее «Египетские ночи» стихотворение «Чертог сиял. Гремели хором...». Важность данного сюжета для Пушкина подтверждается тем, что среди черновых вариантов названий повести имелось название «Клеопатра» (более того, в черновике «Клеопатры» есть автопортрет Пушкина в женском образе). Среди возможных прототипов данного образа – Каролина Собаньска, любовь к которой объединяла/разъединяла Пушкина и Мицкевича. «Одесской Клеопатрой» назовет Собаньску Анна Ахматова [1, с. 190]. Д. Ивинский также предполагает, что «черты характера Собаньской отразились в образах Клеопатры в “Египетских ночах” и Марины Мнишек в “Борисе Годунове”» [9, с. 40]. Как известно, в реальной жизни Каролина Собаньска отказала великим поэтам и отдала предпочтение третьему – генерал Витту. Возможно, именно эта история опосредованно отразилась в повести. И «туз» и «двойка» проиграли в этой игре – Мицкевич и Пушкин были отвергнуты «одесской Клеопатрой».

Во-вторых, важна подмеченная исследователями связь образа Клеопатры с Аграфеной Закревской, которую современники называли «Клеопатрой Невы» [16, с. 715–717]. Имя Закревской связано в творческом сознании Пушкина с темой декабристов, которая, в свою очередь, неотделима от «мицкевического подтекста». Пушкину было хорошо известно, что Закревская предсказала казнь трем из повешенных декабристов (в одном из черновиков имеется портрет Закревской, рядом с которой изображены трое из пятерых казненных декабристов – Сергей Муравьев-Апостол, Павел Пестель и Петр Каховский. Все трое приходили к вернувшейся из Италии графине Закревской в 1823 г. узнавать свою судьбу). Таким образом, за образом Клеопатры-Закревской проступает не только сюжет, связанный с любовью и смертью, но угадываются контуры декабристского сюжета. Если в «Пиковой даме» имеется скрытое упоминание имен Рылеева и Бестужева, то в «Египетских ночах» Пушкин вспоминает о Муравьеве-Апостоле, Пестеле и Каховском.

В завершение размышлений об «Египетских ночах» отметим, что через стихотворение «Чертог сиял. Гремели хором...» вводится еще одна важная для Пушкина тема – тема римской империи, находящейся на грани упадка, и в этом ключе повесть продолжает темы, начатые в «Пире во время чумы». Ощущение катастрофы сопровождает «Египетские ночи», современность мыслится Пушкиным на грани гибели – отсюда общий для творчества 1830-х гг. мотив крушения мира.

«Капитанская дочка» – последний ответ Мицкевичу. Показательно, что Пушкин сжег черновики к этому роману, и сам факт уничтожения черновиков говорит о многом. Прежде всего, в последнем пушкинском романе зашифрованы события, связанные с восстанием декабристов (об этом на сегодняшний день написано немало – [4; 8; 20] и т.д.). Важно, что в «Капитанской дочке» имеются отсылки к имени Рылеева. Ставший знаком спасения в «Капитанской дочке» заячий тулупчик напрямую соотнесен с перебежавшим дорогу зайцем, как известно, заставившим Пушкина изменить свои планы и не ехать на квартиру Рылеева в канун декабристского восстания. Косвенное упоминание Рылеева, чье имя по высочайшему указу нельзя было упоминать в печати, свидетельствует, с одной стороны, о стремлении поэта сохранить память о жертвах восстания, с другой – доказать Мицкевичу неправоту его обвинений.

Еще более важным в контексте непрекращающегося спора двух поэтов является эпиграф к «Капитанской дочке». Упреки Мицкевича («может, кто из вас, опозоренный чином или орденом, продал свою вольную душу за царскую милость и кладет земные поклоны у царских порогов») носили прямой характер, послание накладывало тень на репутацию русского поэта. «Капитанская дочка» – размышления над очень серьезным и болезненным для Пушкина вопросом о дворянской чести. Эпиграф к роману обычно рассматривается исследователями на объектном уровне и соотносится со сферой героев. Вместе с тем, поговорка «Береги честь смолоду» связана не только с системой персонажей, но и со сферой автора, в том числе, автора биографического. Вопрос личной чести – основной для Пушкина 1830-х гг., и этот вопрос касался не только личных обстоятельств, в которые попал поэт в конце своей жизни. Возможно ли принять государственную точку зрения, не запятнав достоинства? Ответ на данный вопрос не был праздным для поэта, пытающимся встать над собственным веком и оценить историческое движение эпохи. Вряд ли в 1836 г. Пушкин забыл обвинения Мицкевича. Попытаемся если на сформулировать авторскую позицию, то хотя бы приблизиться к ней.

Стихийный, непредсказуемый характер русской истории не позволяет оценивать ее в этических категориях, и Пушкин великолепно показал это в своем последнем романе. Между противоборствующими силами (Пугачевым и Екатериной Второй) сходств куда больше, нежели различий; отсюда зеркальная композиция, свидетельствующая в последнем романе не о гармоничности мира (как это было, например, в «Евгении Онегине»), а указывающая на взаимоотражение противоположных начал. Парадокс состоит в том, что в русской истории у человека нет права выбора, поскольку ни одна из сторон не является воплощением конечной правды. Именно поэтому последний пушкинский роман в финале развернут в духовную плоскость – дольний мир трансформируется в горный, конечной станцией, на которую прибудет Маша Миронова, станет несуществующая станция «София» (Мудрость). В исторической же перспективе героям «Капитанской дочки» остается «служить тому, кому присягнул». Осознавая несовершенство власти, Пушкин встает на ее сторону, ибо любой бунт в «истории государства Российского», по мнению поэта, не только беспощаден, но и бессмыслен. Не последнюю роль в принятии подобного решения сыграла и позиция Н.М. Карамзина, к которой Пушкин начал склоняться именно в 1830-е гг. Важно, что, несмотря на сочувствие государственным интересам и власти, Пушкин сохранял трезвый и критический взгляд на происходящее. Пушкин не случайно поселил Петра Гринева в симбирской губернии. Будучи в отставке, вдалеке от столицы и ее дел, герой напишет семейную хронику, словно воплощая пушкинскую мечту об «обителе дальней трудов и чистых нег».

В гениальном послании «К вельможе» изображен герой, смотрящий на Большую историю из окна своей усадьбы. Подобная метапозиция была трагически недоступна Пушкину, ураган истории втягивал его также, как метель закружила в своем вихре Петрушу Гринева. Послание князю Н.Б. Юсупову было написано незадолго до польского восстания, в этом тексте современники увидели изменение умонастроений русского поэта. В стихотворении представлена одна из возможностей пребывания личности в Истории. Вслед за героем лирический герой наследует «сторонний взгляд» и с высоты жизненного опыта смотрит на европейские события, осознавая их преходящий характер. Однако для самого Пушкина подобная позиция невозможна, с чем и связан мотив авторской зависти, отмеченный А.В. Измайловым: «“вельможа” достиг того, что недоступно идущим за ним поколениям, в том числе и самому автору» [10, с. 206]. Послание было опубликовано весной 1830 г., а уже осенью грянуло польское восстание, и Пушкин принял самое активное участие в обсуждении этого – краеугольного для российской империи – вопроса.

Возможно, резкий ответ П. Чаадаеву в письме от 19 октября 1836 г. одновременно был и последней отповедью А. Мицкевичу: «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками –

я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал» [24, т. 10, с. 310]. За признанием самоценности русской истории стоит пушкинская вера в наличное существование вещей как безусловной данности. По словам В. Непомнящего, «Пушкин создал модель некоей данности, безразличной к тому, считаемся мы с ней или нет» [21, с. 46]. Не случайно, в венчающем творчество «Памятнике» говорится о неразрывности человека и истории: «...в *мой жестокий век*». Притяжательное местоимение «мой» чрезвычайно значимо – выражение «*мой век*» незримо противостоит более устойчивому словоупотреблению «*наш век*», кстати, гораздо чаще встречающемуся у Пушкина. «Жестокий век» – и есть единственное время, отведенное человеку судьбой.

Помимо программного письма Чаадаеву 19 октября 1836 г. Пушкиным будет написано послание «Была пора, наш праздник молодой...». Начиная с четвертой строфы, рефреном звучат слова «Вы помните». Не является ли данный текст эхом «Русских друзей» Мицкевича: «*Wy, czy mnie wspominać...*»? Это предположение вполне вероятно, если учесть, что в своем последнем послании к лицейским друзьям Пушкин вновь возвращается к размышлениям о ходе мировой истории.

Вряд ли скрытые послания достигали своего прямого адресата; в последние годы Пушкин не рассчитывал на понимание не только Мицкевича, но и своего близкого окружения. Однако *спор с другом* часто является *спором с собой*. Последней точкой в этой мучительной и одновременно спасительной полемике станет статья А. Мицкевича «Пушкин и литературное движение в России», подписанная «*Друг Пушкина*»...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахматова А.А. Неизданные заметки А. Ахматовой о Пушкине // Вопросы литературы. 1970. № 1. С. 187–195.
2. Бёмиг М.О. генезисе образа неаполитанского импровизатора в повести А. С. Пушкина «Египетские ночи». Новые материалы // Имагология и компаративистика. Томск, 2015. № 1. С. 105–126.
3. Благой Д.Д. Мицкевич и Пушкин // Благой Д.Д. От Кантемира до наших дней. М., 1972. Т. 1. С. 304–333.
4. Богданова О.В. Аллюзийный подтекст в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 365–370.
5. Виролайнен М.Н. «Медный всадник. Петербургская повесть». Пушкинская энциклопедия // Звезда. 1999. № 6. С. 208–219.
6. Вяземский П.А. Мицкевич о Пушкине // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 277–297.
7. Дворский А. Пушкин и польская культура. СПб.: Визер, 1999. 247 с.
8. Зверева Т.В. А.Н. Радищев и Н. М. Карамзин в идейном контексте «Капитанской дочки» А.С. Пушкина // Филологический класс. 2020. № 1. С. 41–51.
9. Ивинский Д.П. Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений. М.: Языки славянской культуры, 2003. 432 с.
10. Измайлов А.В. «К вельможе» // Стихотворения Пушкина 1820 – 1830 -х гг. История создания и идейно-художественная проблематика. Л.: Наука, 1974. С.177–213.
11. Измайлов А.В. Мицкевич в стихах Пушкина (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов») // Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1976. С. 125–174.
12. Киришбаум Г. Жанровые империализмы. Спор о принадлежности дум // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/2/zhanrovye-imperializmy.html>
13. Кушаков А.В. Пушкин и Мицкевич // Кушаков А.В. Пушкин и Польша. Тула, 1990. С. 90–123.
14. Лебедева О.Б. Образ Неаполя в творческом сознании А.С. Пушкина. Статья III. Антропологический концепт Неаполя: «Я неаполитанский художник...» // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2. С. 85–97.
15. Лернер Н.О. «Баллада» об игроках // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Петроград, 1913. Вып. 16. С. 20–23.
16. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин": Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; "Евгений Онегин": Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 472–762.
17. Меднис Н.Е. Еще раз о Томаззо Сгринчи в образе импровизатора в повести «Египетские ночи» // Меднис Н.Е. Поэтика и семиотика русской литературы. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 83–91.
18. Мицкевич А. Русским друзьям // Рылеев К. Думы. М.: Наука, 1975. С. 132 – 134.
19. Науменко Г.А. С Гомером и с Мицкевичем («Мицкевич кий подтекст» в творчестве Пушкина последних лет) // Филология. 2014. № 1-2. Режим доступа: <https://st-hum.ru/en/node/151>

20. Невелев Г.А. «Истина сильнее царя...»: (А.С. Пушкин в работе над историей декабристов). М.: Мысль, 1985. 205 с.
21. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. М.: Советский писатель, 1987. 448 с.
22. Осповат Л. Пушкин, Тютчев и польское восстание 1830-1831 гг // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докладов научной конференции 13–14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 49–52.
23. Петрунина Н.Н. Проза Пушкина. Л.: Наука, 1987. 338 с.
24. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962.
25. Радецкая М.М. Некоторые параллели к теме «Пушкин и Мицкевич» // А.С. Пушкин: Творчество и традиции. Луганск, 1999. С. 18–32.
26. Степанов Л.А. Об источниках образа импровизатора в «Египетских ночах» // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. Т. 10. С. 168–175.
27. Цявловский М.А. Пушкин и Мицкевич // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 157–206.
28. Шварцбанд С. Логика художественного поиска А.С. Пушкина: от «Езерского» до «Пиковой дамы». Иерусалим, 1988. 264 с.
29. Эйдельман Н.Я. «Сказать все...»: избранные статьи по русской истории, культуре и литературе XVIII –XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 400 с.
30. Fiszman S. Mickiewicz i Puszkina // Ze studiów nad literaturą rosyjską i polską. Poznań, 1999. S. 71–82.
31. Weintraub W. Poeta i Prorok. Rzecz o profetyzmie Mickiewicza. Warszawa, 1988. 453 pp.
32. Wesling M. Pushkin, Mickiewicz and the South // Slavia Orientalis. 1992. Vol. 41. № 3. P. 3–10.

Поступила в редакцию 26.04.2022

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор
 ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
 426034, Россия, г. Ижевск, Университетская, 1 (корп. 2)
 E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

T.V. Zvereva

AN ATTEMPT TO EXPLAIN: THE TRACE OF A. MICKIEWICZ IN THE LATER WORKS OF A.S. PUSHKIN

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-335-344

Within the framework of this article the later works of A. S. Pushkin are considered against the background of polemic with Adam Mickiewicz. The author of the study shows that Pushkin's artistic pathways in the 1830s depend largely on A. Mickiewicz's message "To Russian Friends". The focus of research attention is on works written after 1833 (the narratives 'The Queen of Spades' and 'Egyptian Nights', the novel 'The Captain's Daughter', the poem 'The Monument'). In these and other works, Pushkin attempts to explain his political views on the key events of the Russian Empire (The Decembrist Revolt on December 14, 1825 and the Polish Insurrection of 1830-1831). In his works written against the background of polemic with A. Mickiewicz, A. Pushkin not so much refutes the views of the Polish poet, but rather reveals the tendentiousness of the external point of view when it comes to the "history of the Russian state". Pushkin's own position is ambiguous as the very movement of the author's thought becomes an independent semantic plot. The tragic impossibility of giving definitive answers uncovers both the complexity of the Russian statehood and the complexity of the author's attitude towards it.

Keywords: A. Pushkin, A. Mickiewicz, Polish Insurrection, Decembrists, historical allusions, oscillating poetics, author.

REFERENCES

1. Ahmatova A.A. Neizdannye zametki A. Ahmatovoj o Pushkine [A. Ahmatovoj's not published notes about Pushkin] // Voprosy literatury [Literature questions]. 1970. № 1. S. 187–195. (In Russian).
2. Byomig M. O genezise obraza neapolitanskogo improvizatora v povesti A. S. Pushkina «Egipetskie nochi». Novye materialy [About genesis of an image of the Neapolitan improvisator in A.S. Pushkin's story «Egyptian nights». New materials] // Imagologiya i komparativistika [Imagology and comparative studies]. Tomsk, 2015. № 1. S. 105–126. (In Russian).
3. Blagoj D.D. Mickevich i Pushkin [Mickiewicz and Pushkin] // Blagoj D.D. Ot Kantemira do nashih dnei [From Kantemira up to now]. M., 1972. Т. 1. S. 304–333. (In Russian).

4. Bogdanova O.V. Allyuzijnyj podtekst v romane A. S. Pushkina «Kapitanskaya dochka» [Alljuzijnyj implied sense in A.S.Pushkin's novel «Captain's daughter»] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Theory and practice questions]. Tambov: Gramota, 2019. T. 12. Vyp. 3. S. 365–370. (In Russian).
5. Virolajnen M.N. «Mednyj vsadnik. Peterburgskaya povest». Pushkinskaya enciklopediya [«The copper horseman. The Petersburg story». The Pushkin encyclopaedia] // Zvezda [Star]. 1999. № 6. S. 208–219. (In Russian).
6. Vyazemskij P.A. Mickevich o Pushkine [Mickiewicz about Pushkin] // Vyazemskij P. A. Estetika i literaturnaya kritika [Aesthetics and the literary criticism]. M.: Iskusstvo, 1984. S. 277–297. (In Russian).
7. Dvorskiy A. Pushkin i pol'skaya kul'tura [Pushkin and the Polish culture]. SPb.: Vizer, 1999. 247 s. (In Russian).
8. Zvereva T.V. A. N. Radishchev i N.M. Karamzin v idejnom kontekste «Kapitanskoj dochki» A.S. Pushkina [A.N.Radishchev and N. M.Karamzin in an ideological context of "the Captain's daughter" A.S. Pushkin] // Filologicheskij klass [Philological class]. 2020. № 1. S. 41–51. (In Russian).
9. Ivinskiy D.P. Pushkin i Mickevich. Istoriya literaturnyh otnoshenij [Pushkin and Mickiewicz. History of literary relations]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. 432 s. (In Russian).
10. Izmajlov A.V. «K vel'mozhe» [«To the grandee»] // Stihotvoreniya Pushkina 1820 – 1830 -h gg. Istoriya sozdaniya i idejno-hudozhestvennaya problematika [Pushkin's poems 1820 - 1830 th History of creation and an ideologically-art problematics]. L.: Nauka, 1974. S.177–213. (In Russian).
11. Izmajlov A.V. Mickevich v stihah Pushkina (K interpretacii stihotvoreniya «V prohlade sladostnoj fontanov») [Mickiewicz in Pushkin's verses (To poem interpretation «In a cool delightful fountains»)] // Izmajlov N.V. Ocherki tvorchestva Pushkina [Sketches of creativity of Pushkin]. L.: Nauka, 1976. S. 125–174. (In Russian).
12. Kirshbaum G. Zhanrovye imperializmy. Spor o prinadlezhnosti dum [Genre imperialisms. Dispute over the ownership of the doom] // Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review]. 2017. № 2. Rezhim dostupa: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/2/zhanrovye-imperializmy.html> (In Russian).
13. Kushakov A.V. Pushkin i Mickevich [Pushkin and Mickiewicz] // Kushakov A.V. Pushkin i Pol'sha [Pushkin and Poland]. Tula, 1990. S. 90–123. (In Russian).
14. Lebedeva O.B. Obraz Neapolya v tvorcheskom soznanii A. S. Pushkina. Stat'ya III. Antropologicheskij koncept Neapolya: «YA neapolitanskij hudozhnik...» [The image of Naples in the creative consciousness of A.S. Pushkin. Article III. The anthropological concept of Naples: "I am a Neapolitan artist..."] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [The bulletin of Tomsk state university]. 2011. № 2. S. 85–97. (In Russian).
15. Lerner N.O. «Ballada» ob igrokah ["Ballad" about players] // Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya [Pushkin and its contemporaries: materials and researches]. Petrograd, 1913. Vyp. 16. S. 20–23. (In Russian).
16. Lotman Yu.M. Roman A.S. Pushkina "Evgenij Onegin": Kommentarij: Posobie dlya uchitelya [A.S.Pushkin's novel "Evgenie Onegin": the Comment: the Grant for the teacher] // Lotman Yu.M. Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat'i i zametki, 1960–1990; "Evgenij Onegin": Kommentarij [Pushkin: the Biography of the writer; Articles and notes, 1960–1990; "Evgenie Onegin": the Comment]. SPb.: Iskusstvo-SPB, 1995. S. 472–762. (In Russian).
17. Mednis N.E. Eshche raz o Tomazzo Sgrichchi v obraze improvizatora v povesti «Egipetskie nochi» [Once again about Tomazzo Sgrichchi in an image of the improvisator in the story «Egyptian nights»] // Mednis N.E. Poetika i semiotika russkoj literatury [Poetics and semiotics of the Russian literature]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2011. S. 83–91. (In Russian).
18. Mickevich A. Russkim druz'yam [To Russian friends] // Ryleev K. Dumy [The Dumas]. M.: Nauka, 1975. S. 132–134. (In Russian).
19. Naumenko G.A. S Gomerom i c Mickevichem («Mickevich kij podtekst» v tvorchestve Pushkina poslednih let) [With Homer and with Mickiewicz ("Mickiewicz's cue subtext" in Pushkin's work of recent years)] // Filologiya [Philology]. 2014. № 1-2. Rezhim dostupa: <https://st-hum.ru/en/node/151> (In Russian).
20. Nevelev G.A. «Istina sil'nee carya...»: (A.S. Pushkin v rabote nad istoriej dekabristov) [«The true is stronger than the tsar ...»: (A.S. Pushkin in work on history of Decembrists)]. M.: Mysl', 1985. 205 s. (In Russian).
21. Nepomnyashchij V.S. Poeziya i sud'ba. Nad stranicami duhovnoj biografii Pushkina [Poetry and destiny. Over pages of the spiritual biography of Pushkin]. M.: Sovetskij pisatel', 1987. 448 s. (In Russian).
22. Ospovat L. Pushkin, Tyutchev i pol'skoe vosstanie 1830-1831 gg. [Pushkin, Tyutchev and the Polish revolt 1830-1831] // Pushkinskie chteniya v Tartu: Tezisy dokladov nauchnoj konferencii 13–14 noyabrya 1987 g. [Pushkin readings in Tartu: Theses of reports of scientific conference on November, 13-14th, 1987]. Tallin, 1987. S. 49–52. (In Russian).
23. Petrunina N.N. Proza Pushkina [Pushkin's prose]. L.: Nauka, 1987. 338 s. (In Russian).
24. Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. [Complete collection of Op.: in 10 vols.]. M.: GИHL, 1959–1962. (In Russian).
25. Radeckaya M.M. Nekotorye paralleli k teme «Pushkin i Mickevich» [Some parallels to a theme «Pushkin and Mickiewicz»] // A.S. Pushkin: Tvorchestvo i tradicii [A.S.Pushkin: Creativity and traditions]. Lugansk, 1999. S. 18–32. (In Russian).
26. Stepanov L.A. Ob istochnikah obraza improvizatora v «Egipetskih nochah» [About sources of an image of the improvisator in «the Egyptian nights»] // Pushkin: Issledovaniya i materialy [Pushkin: Researches and materials]. L.: Nauka, 1982. T. 10. S. 168–175. (In Russian).

27. Cyavlovskij M.A. Pushkin i Mickevich [Pushkin and Mickiewicz] // Cyavlovskij M.A. Stat'i o Pushkine [Articles about Pushkin]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. S. 157–206. (In Russian).
28. Shvarcband S. Logika hudozhestvennogo poiska A.S. Pushkina: ot «Ezerskogo» do «Pikovej damy» [Logic of art search A.S.Pushkin: from "Yezerky" to "Queen of spades"]. Ierusalim, 1988. 264 s. (In Russian)
29. Ejdel'man N.Ya. «Skazat' vse...»: izbrannye stat'i po russkoj istorii, kul'ture i literature XVIII–XX vekov ["To say everything ...": selected articles on Russian history, culture and literature of the XVIII–XX centuries.]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 400 s. (In Russian).
30. Fiszman S. Mickiewicz i Puszkyn [Mickiewicz and Pushkin] // Ze studiów nad literaturą rosyjską i polską [From studies on Russian and Polish literature]. Poznań, 1999. S. 71–82. (In Polish).
31. Weintraub W. Poeta i Prorok. Rzecz o profetyzmie Mickiewicza [Poet and prophet. The thing about Mickiewicz's prophetism]. Warszawa, 1988. 453 pp. (In Polish).
32. Wesling M. Pushkin, Mickiewicz and the South // Slavia Orientalis. 1992. Vol. 41. № 3. P. 3–10. (In English).

Received 26.04.2022

Zvereva T.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru